

Марина
СЕРОВА

*Эхо далекого
прошлого*

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Эхо далекого прошлого

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Эхо далекого прошлого / М. С. Серова — «Эксмо»,
2023 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-04-185962-6

Марина Серова — феномен современного отечественного детективного жанра. Выпускница юрфака МГУ, работала в Генеральной прокуратуре. С 1987 года по настоящее время — сотрудник одной из специальных служб. Участвовала в боевых операциях и оперативных мероприятиях. Автор ряда остросюжетных повестей, суммарный тираж которых превышает двадцать миллионов экземпляров. Если вы давно не читали по-настоящему захватывающих историй о скелетах в шкафах, новый детектив о частном детективе Татьяны Ивановой — то, что вам нужно. Остросюжетная семейная драма будет держать в напряжении до последней страницы. Дочь известного бизнесмена убита прямо на пороге собственной квартиры. Казалось бы, все очевидно — кто-то хотел насолить ее отцу или ей самой, сотруднице Контрольно-Ревизионного Управления. Однако, чем больше становится известно об этой женщине, тем больше сыпется скелетов из шкафов. Частному детективу Татьяне Ивановой предстоит разгадать поистине сложную загадку и убедиться лично в старой народной мудрости: богатые тоже плачут.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185962-6

© Серова М. С., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Серова

© Серова М.С., 2023

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо”», 2023

* * *

Глава 1

Телефонный звонок вырвал меня из царства Морфея и прервал сон на самом интересном месте. Я перевернулась на другой бок и приготовилась досматривать сон. Но телефон продолжал звонить. Ну кто там еще в такой ранний час? Хотя... Я посмотрела на часы: девять утра, не так уж и рано. Однако для пребывающего в безделье частного детектива самым комфортным временем для пробуждения являются часы от одиннадцати утра и позже.

Я сняла трубку.

– Алло, – сказала я немного хриплым спросонья голосом.

– Могу я поговорить с Татьяной Александровной Ивановой? – спросил низкий и властный мужской голос.

– Да, конечно. Я вас слушаю, – сказала я в трубку.

– Татьяна Александровна, у меня большое горе, вчера была убита моя дочь Елизавета, – сейчас властные нотки в голосе мужчины уступили место интонациям боли и недоумения, как будто он еще не до конца осознал потерю. – Я вас очень прошу, найдите ее убийцу.

Последнюю фразу мужчина произнес срывающимся голосом.

– Примите мои соболезнования, – сказала я. – И скажите, как к вам можно обращаться?

– Простите, я забыл представиться... Просто голова кругом... Меня зовут Владислав Геннадьевич Черноземельников. Я являюсь владельцем строительной компании «Меридиан».

– Простите, Владислав Геннадьевич, но разве в полиции не приняли дело об убийстве вашей дочери к производству? – несколько удивленно спросила я.

– Разумеется, приняли. «Дело принято к производству» – так официально мне было заявлено в управлении, но... Надеюсь, вы понимаете, Татьяна Александровна, как у нас ведутся такие дела. Очень долго, и не факт, что убийца будет найден.

– Послушайте, но ведь преступление произошло только вчера, – удивленно проговорила я. – За день нереально раскрыть это дело.

– Так мне уже намекнули, что улики практически никаких не было обнаружено. Скорее всего, занесут это убийство в раздел нераскрытых преступлений. Или, как в полиции принято говорить, «глухарей». Или и того хуже, обвинят Иллариона, Лизиного мужа, и дочка их совсем сиротой останется... Вот по этой причине, Татьяна Александровна, я и прошу вас...

Владислав Черноземельников не закончил фразу и замолчал.

– Владислав Геннадьевич, я вас поняла. Но для того, чтобы провести расследование и найти преступника, мне необходимо получить от вас сведения, касающиеся того, при каких обстоятельствах произошло убийство вашей дочери. По телефону вряд ли такое возможно выяснить, – заметила я.

– Конечно, я понимаю, что это не телефонный разговор, – согласился со мной Владислав Черноземельников. – Разумеется, нам с вами, Татьяна Александровна, необходимо встретиться, чтобы я смог рассказать вам о том, что произошло. Но в данный момент я не могу покинуть свой кабинет по обстоятельствам, от меня не зависящим. Дело в том, что я жду важного звонка от потенциальных партнеров, – пояснил Владислав Геннадьевич, уловив за моим молчанием вопрос. – Поэтому я вас очень прошу подъехать ко мне в офис. Если вас не затруднит, конечно.

– Хорошо, я согласна, – ответила я на просьбу Черноземельникова. – Продиктуйте мне адрес, по которому находится ваш офис.

– Офис моей компании находится на улице Пугачева, ближе к Большой Горной, – начал объяснять бизнесмен. – Это пятиэтажное здание является офисным центром. Мой офис находится на втором этаже. Как подниметесь по лестнице, сразу поворачивайте направо. Вторая дверь от начала коридора и будет мой офис. Впрочем, там висит табличка.

– Я поняла, Владислав Геннадьевич. Минут через сорок – сорок пять я буду на месте, – пообещала я.

– Очень хорошо, Татьяна Александровна. Я буду вас ждать, – сказал Владислав Черноземельников.

Я отключилась и стала собираться на встречу с бизнесменом.

Раздвинув дверцы шкафа-купе, я окинула взглядом ряды вешалок. Придирчиво осмотрев деловые костюмы, я остановила свой выбор на костюме стального цвета с расклешенной юбкой и приталенным жилетом. К нему подойдет голубая блузка. Осталось только выбрать туфли и сумочку. Я отдала предпочтение черным лодочкам на шпильке и черной сумочке. Они прекрасно оттенят светлый костюм.

Я причесалась и решила сегодня не собирать волосы в узел, а распустить их по плечам. Затем я нанесла дневной макияж и вышла в прихожую. Брать или не брать с собой плащ? Подумав, я решила, что он не будет лишним: погода хотя и была теплой, но часто дул довольно холодный ветер.

Я спустилась в подъезд, пересекла двор, в котором была припаркована моя машина, села в нее и завела мотор.

И все-таки бизнесмены – они такие бизнесмены! У человека умерла дочь, но он не может уйти из кабинета, потому что надеется на жирную сделку, если я правильно поняла своего собеседника. Впрочем, бизнесмены – это особая порода. В моей практике был случай, когда руководитель огромного холдинга, который нанял меня, чтобы я нашла похитителей его единственной дочери, преспокойно оставил меня один на один с преступниками, а сам улетел в Австралию. Иначе поступить было никак нельзя. По его словам, в противном случае, если бы он остался дома, сорвалась бы крупная сделка. Можно подумать, что у него в запасе был еще один ребенок.

Доехав до улицы Пугачева, я без проблем припарковалась, благо было свободное место, и дошла до нужного мне здания. Открыв входную дверь, я увидела женщину пенсионного возраста за стеклянной перегородкой.

– Вы к кому? – строго спросила она.

– Добрый день, – поздоровалась я с ней. – Мне необходимо в офис компании «Меридиан», – сообщила бдительной охраннице.

– Это на втором этаже, – кивнула мне женщина. – Проходите.

Поднявшись на второй этаж, я повернула направо и, пройдя несколько метров, увидела табличку на двери «Торговая компания «Меридиан». Черноземельников В.Г.». Я постучала в дверь, но мне никто не ответил. Странно, ведь Черноземельников сказал, что будет ждать меня. Но, возможно, в приемной сейчас нет секретаря, вот поэтому на мой стук никто и не отреагировал. Я постучала еще раз, на этот раз громче, и слегка приоткрыла дверь.

В приемной бизнесмена у окна стояла высокая девушка модельной внешности. Белокурые волосы, изощренный макияж, осиная талия и, конечно же, ноги от ушей, едва прикрытые мини-юбкой. Секретарша посмотрела на меня и сказала неожиданно глубоким контральто, не связавшимся с ее обликом:

– Если вы на прием, то его сегодня не будет. У шефа траур, погибла его дочь.

– Меня Владислав Геннадьевич примет, – уверенно сказала я и вошла в приемную.

Секретарша посмотрела на меня своими густо подведенными глазами и недовольно процедила:

– Я же вам только что русским языком сказала...

– Вас обо мне не предупредили? – искренне удивилась я. – Доложите Владиславу Геннадьевичу, что пришла Татьяна Александровна Иванова, – четко, почти по слогам, произнесла я свое имя, отчество и фамилию.

Секретарша передернула плечами, но направилась в кабинет. Через минуту она вышла и сказала уже иным тоном, нацепив любезную улыбку:

– Проходите, шеф вас ждет.

Девушка посторожилась, пропуская меня в кабинет. Владислав Черноземельников сидел за длинным столом для переговоров и отрешенно смотрел куда-то в пространство. На вид ему можно было дать лет пятьдесят или около того. Спортивное телосложение, короткая стрижка едва тронутых сединой волос, волевые черты мужественного лица делали его моложе своих лет.

– Еще раз здравствуйте, Владислав Геннадьевич, – сказала я, подходя к столу.

– Татьяна Александровна, – Черноземельников поднял на меня серые, полные боли глаза, – присаживайтесь. Прошу меня простить, забыл предупредить Верочку о вашем визите.

Бизнесмен поднялся, вышел из-за стола и жестом показал на широкий кожаный диван, находившийся немного в стороне от стола. Я села на предложенное место, Черноземельников сел рядом. Я окинула взглядом стол руководителя и увидела фотографию молодой женщины в траурной рамке. Скорее всего, это и была погибшая дочь Владислава Черноземельникова – Елизавета. Ее можно было назвать красивой, если бы не несколько надменное выражение округлого лица и холодноватый взгляд серых глаз.

– Владислав Геннадьевич, я вас слушаю, – сказала я.

– Татьяна Александровна, по телефону я вам уже сказал, что вчера была убита моя дочь Елизавета, Лиза...

Мужчина замолчал и прикрыл глаза правой рукой.

– Мне до сих пор не верится в это, – глухо произнес Черноземельников. – Вчера мне позвонили и сообщили... Я не поверил сначала. Но потом, увидев ее... Нет, даже тогда я все надеялся, что это...

Бизнесмен замолчал. Я не торопила мужчину, давая ему время собраться с силами.

– Собственно, вот... – Черноземельников сделал паузу и посмотрел на меня.

– Владислав Геннадьевич, расскажите, кто обнаружил Елизавету, когда и где именно произошло само убийство, – попросила я. – Чем занималась ваша дочь? Она работала или училась?

Черноземельников кивнул:

– Елизавета работала в контрольно-ревизионном управлении на должности проверяющей. Ей было двадцать пять лет. Всего... да... Совсем недавно мы отмечали ее день рождения, ее юбилей.

– У вашей дочери была семья, дети? – спросила я.

– Да, Лиза была замужем, остался ребенок. Дочка Кристина, ей исполнилось шесть лет... Остаться без матери в таком раннем возрасте...

Мужчина снова замолчал.

– Да, вы, Татьяна Александровна, спросили, как убили Лизу, – вспомнив, сказал Черноземельников. – Так вот, ей был нанесен удар прямо в сердце. Кажется, ножом. Смерть наступила мгновенно. А обнаружила Лизу соседка по лестничной клетке. Собственно, дочь там и лежала. Практически на пороге собственной квартиры.

– Когда это было, вы знаете?

– Да, полицейские сказали. В начале десятого утра. Где-то к половине десятого там уже были криминалисты, – вздохнул Черноземельников. – Получается, Лиза на работу собралась, только вышла из квартиры, и...

– Она всегда выходила из дома в одно и то же время?

– Татьяна Александровна, я, признаться, точно не знаю. Вроде бы да, как раз около девяти выходила, у них рабочий день в десять начинался, по-моему.

Получается, кто-то мог специально ждать этого момента? Выслеживать? Или случайность, состояние аффекта? Хм... Ладно, разберусь. А где был ребенок?

– Кристиночку обычно Илларион, муж Лизы, отвозил в садик. Он и на работу раньше уезжал, – пояснил мужчина.

– Вчера он тоже дочку отвез?

– Нет, мы неделю назад внучку отправили в детский языковой санаторий, у нее с желудочной проблемы. Частный лагерь в Карелии, очень красиво все, специалисты отменные, климат чудесный. Ребят еще и языкам учат. Я сам внучку отвозил, – рассказал мой собеседник. Помолчав, добавил: – И хорошо, что деточка пока там. Не знает, что тут творится...

– А дверь квартиры была закрыта или все-таки открыта? – уточнила я, мысленно согласившись: хорошо, что ребенок не столкнулся с таким кошмаром. Не позавидую я родственникам Лизы, объяснять шестилетке, что с мамой случилось, – врагу не пожелаешь.

– Закрыта. Видимо, Лиза и впрямь на работу уходила, – высказал предположение Черноземельников. – Видимо, она уже вышла из квартиры и заперла дверь.

– У нее был с собой телефон? – спросила я.

– Признаться, не знаю, – ответил бизнесмен.

– А деньги, драгоценные украшения? – продолжала выяснять я.

Владислав Черноземельников только покачал головой:

– Татьяна Александровна, мне ничего об этом не известно. Но, скорее всего, украшения на ней были, она их очень любила.

– Что-то пропало, вы не в курсе?

– Нет, не знаю.

Ладно, этот момент уточню в полиции. С Кирияновым все равно предстоит созваниваться. Вдруг там медэксперты что-то нарыли? По положению тела можно многое выяснить, между прочим. Как минимум рост, физическую силу убийцы.

– Понятно. Скажите, а на работе у вашей дочери были конфликты? Возможно, ей кто-то угрожал? Какие у вас вообще имеются предположения на этот счет? – спросила я.

– Вы думаете, что Лизу убили, потому что в своем управлении она кому-то перешла дорогу? – задал встречный вопрос владелец «Меридиана».

– Ну, просто так ведь, что называется, на ровном месте, не убивают, – заметила я.

– Да, вы правы, конечно. Вообще-то был один такой случай. Но это произошло еще в прошлом году. Тогда на Лизу «наехал» отдел по борьбе с коррупцией, – сказал Черноземельников.

– Расскажите поподробнее, пожалуйста, об этом случае, – попросила я.

– Ну, а что тут рассказывать. Просто Лиза позвонила мне и сказала, что ее забрали и обвинили в получении взятки прямо на рабочем месте. По словам дочери, ее элементарно подставили.

– И чем же все это закончилось? – спросила я.

– Я подключил свои связи, и Лизу отпустили. Просто в тот момент шла очередная кампания по выявлению коррупционных составляющих. Вот Лиза и попала под раздачу. К слову сказать, контрольно-ревизионное управление – это такое место... в общем, там борьба идет не на жизнь, а на смерть. Каждый старается подсадить своего коллегу для того, чтобы занять его место, – объяснил бизнесмен.

«Необходимо будет наведаться в контрольно-ревизионное управление и выяснить все подробности этого происшествия, – подумала я. – Кто знает, возможно, этот случай имеет прямое отношение к убийству Елизаветы. Кто именно давал ей взятку, и было ли это на самом деле. Кто ее подставил? С какой целью это было сделано? И почему же ее отпустили? Только ли связи Владислава Черноземельникова помогли? Конечно, контрольно-ревизионное управление – это то еще змеиное логово. Однако КРУ – это и неограниченные возможности, и неограниченная власть. Если сотрудники этого заведения проверяют практически все и соответственно штрафуют не по-детски, а то и вовсе прикрывают, скажем, торговую точку, то вот и повод рас-

правиться. Предположим, Елизавета проверяла какое-то предприятие, после ее проверки его закрыли. Тогда владелец решил отомстить. И вот – результат. Хотя... возможны ведь и другие варианты прийти к согласию сторон. Скажем, дать хорошую взятку. Возможно, Елизавета этим и занималась. Так что ее могли реально поймать на месте преступления. А не подставить, как это объяснил Владислав Черноземельников. Ладно, разберемся».

– А как вы сами считаете, Владислав Геннадьевич, кому могла быть выгодна смерть вашей дочери? – спросила я.

– Да я понятия не имею! – воскликнул Черноземельников. – Лиза не занимала высокого поста, обычный рядовой сотрудник. Как я уже сказал, она проверяла предприятия.

– А были ли у вашей дочери недоброжелатели вне работы? – спросила я. – Может быть, подруги? С какой-то из них произошел серьезный конфликт...

– Да у Лизы и подруг-то, по-моему, не особенно много было. Она вообще-то домоседкой была, шумных компаний не любила. С работы приходила домой, занималась дочерью. С кем у нее могли быть неприязненные отношения, просто не представляю.

«Ладно, это я выясню», – подумала я.

– А как можно охарактеризовать семейную жизнь вашей дочери? – задала я вопрос.

– Да обычная была у них с мужем жизнь. Как и у всех, – бизнесмен пожал плечами.

– То есть они не ругались, не ссорились, не скандалили? – продолжала допытываться я.

– Татьяна Александровна, ну ведь в любой семье бывают ссоры, как же без них? Но то, что Лиза и Илларион не дрались, не били посуду и не ломали мебель, – это точно. Правда, характер у Лизы был еще тот... Но Илларион терпел и первый шел на примирение. Вообще, Ларик – хороший парень, мне повезло с зятем.

– А вы, Владислав Геннадьевич, живете ведь отдельно от семьи дочери, верно? – спросила я.

– Ну, разумеется. Как только Лиза вышла замуж, я купил им трехкомнатную квартиру улучшенной планировки в престижном районе. Лиза тогда еще училась в университете, Илларион – тоже.

«Елизавете было двадцать пять лет, ее ребенку исполнилось шесть лет, стало быть, дочь Владислава Черноземельникова родила Кристину в девятнадцать лет, будучи на втором-третьем курсе».

Произведя эти нехитрые подсчеты, я предположила, что брак Елизаветы состоялся, что называется, по «залету». Хотя, возможно, и не из-за беременности.

– Стало быть, они поженились, когда были студентами, – задумчиво произнесла я.

– Да, но я считаю, что семейная жизнь им обоим пошла на пользу, несмотря на довольно ранний возраст, – заметил Владислав Черноземельников. – Собственно, Илларион мне всегда нравился. Серьезный парень, не то что...

Бизнесмен не договорил.

– Не то что кто? – зацепилась я за эту фразу. Вдруг прямо сейчас какой-нибудь подозреваемый ревнивец всплывет? Но Черноземельников мрачно буркнул:

– Да были у нее какие-то поклонники, мутные типы. Но это еще в старших классах школы и на первом курсе. Но Лиза, умница, все-таки выбрала Иллариона.

– Они учились на одном курсе, так? – спросила я, желая вернуть разговор в прежнее русло.

– Да, но только на разных факультетах. Лиза училась на филологическом факультете, а Илларион – на механико-математическом, – пояснил Владислав Черноземельников. – И закончил университет он с красным дипломом, – с гордостью сообщил бизнесмен.

– А кем работает ваш зять? – задала я следующий вопрос.

– Илларион является коммерческим директором фирмы «Фокус» по подготовке и проведению праздников, – ответил бизнесмен. – Это известная фирма в Тарасове, ее услугами пользуются многие, – добавил он.

«Отец и муж занимаются бизнесом. Интересно, почему же Елизавета трудилась на государственной службе?» – задала я себе вопрос и тут же решила прояснить ситуацию у Черноземельникова.

– Владислав Геннадьевич, а ваша дочь не изъявляла желания работать в вашей компании или в фирме своего мужа? – спросила я.

– Насчет фирмы Иллариона я не в курсе. А что касается моей компании... Видите ли, Татьяна Александровна, у Лизы был сложный характер. Непредсказуемый, я бы сказал. У нее лет в шестнадцать начался период, который принято называть подростковым. Начались жуткие истерики, конфликты, переходящие в затяжные скандалы, Лиза устраивала их буквально на ровном месте. Постоянно обвиняла всех и вся, называла окружающих лицемерами, притворщиками и лгунами. Потом извинялась, а после некоторого затишья все начиналось сначала. Настроение у Лизы менялось чуть ли не по нескольку раз в день. Она могла вспылить и разнести все в пух и прах, а потом успокаивалась.

Владислав Черноземельников прерывисто вздохнул.

– Но это еще не все, Татьяна Александровна, – продолжил он. – Лиза связалась с подозрительной компанией. Как они называются, я даже и не знаю. Носят одежду в черных тонах, какие-то такие цепочки с непонятными медальонами, собираются в подозрительных местах, чуть ли не на кладбище. К счастью, их организацию прикрыли правоохранительные органы, когда они собирались принести человеческое жертвоприношение, представляете?

«Какая-нибудь секта чернокнижников, очевидно, – подумала я. – Как раз у них такой антураж в виде каких-нибудь оккультных символов, цепочек и медальонов. Ну, и человеческие жертвы, естественно, тоже. Хотя мало ли таких готичных сект в то время развелось? И все же, если Лиза повзрослела, почему ее отец не предложил ей место в своей фирме? Из-за характера?»

– Могла ваша дочь вновь связаться с такой компанией? – спросила я.

– Нет, не думаю. Она повзрослела, серьезный человек, занимается ответственной работой, – покачал головой бизнесмен. – Это, наверное, были подростковые метания. Ничего серьезного Лиза натворить не успела.

– А как вы считаете, Владислав Геннадьевич, были ли какие-то причины такого поведения вашей дочери? – спросила я. – Ведь переходный возраст присущ всем, но далеко не все проявляют себя во время него таким вот образом, – заметила я.

– Да, вы правы, Татьяна Александровна, – согласился со мной бизнесмен. – Я думаю, что на поведение Лизы повлиял мой развод с ее матерью, моей первой супругой. Видите ли, у Анастасии тоже непростой характер. Нет, не в смысле вспыльчивости и истерик. Просто она слишком самостоятельная и не терпела никакого подчинения, хотя диктатором я никогда не был. Собственно, и наш развод прошел довольно-таки мирно. Я оставил бывшей супруге и Лизе прекрасную четырехкомнатную квартиру в центре. Потом помогал им материально, дочь не знала отказа в деньгах. Впрочем, и Анастасия тоже не бедствовала. Она является владелицей магазина принадлежностей для стоматологии. Ее нынешний муж – военный в отставке – имеет небольшую мастерскую по ремонту обуви.

– Но как отреагировала ваша дочь на такой довольно мирный развод? – спросила я.

– Не лучшим образом, – признался владелец строительной компании. – Она даже заявила, что ни при каких условиях не останется жить вместе с матерью и ее новым мужем.

– Стало быть, она решила остаться с вами? – Я посмотрела на Владислава Черноземельникова.

– Дело в том, – вздохнул бизнесмен, – что у меня тоже образовалась новая семья.

Я понимающе кивнула.

– Да, я снова женился, и у меня растет сын. Моя супруга занимается только ребенком и не жаждет достичь успехов на каком-либо еще поприще, – объяснил владелец «Меридиана».

– Понятно.

– Ну, а поскольку Лиза не захотела проживать вместе с новой семьей матери, то я купил ей однокомнатную квартиру, – продолжил Черноземельников. – Тогда она еще не была замужем, так что большей жилплощади ей и не требовалось.

– Но натянутые отношения вашей дочери с ее отчимом остались? – спросила я. – Или это была уже вражда?

– Нет, не думаю, что у них были враждебные отношения, – бизнесмен покачал головой, – они ведь виделись очень редко, насколько мне известно.

– А с вашей новой супругой у дочери как складывались отношения? – спросила я.

– Внешне все было вполне себе пристойно. При встречах они вели себя спокойно, не выказывая недовольства друг другом. Впрочем, и ко мне Лиза заезжала довольно редко, – добавил бизнесмен.

– Ясно. Скажите, Владислав Геннадьевич, а может быть, убийство вашей дочери каким-то образом связано с вашим бизнесом? – высказала я свое предположение.

Владелец «Меридиана» с недоумением посмотрел на меня.

– Признаться, не понимаю вас, Татьяна Александровна. Как же это возможно? – спросил он.

– Ну, смотрите, ведь строительный бизнес в настоящее время очень востребован, не так ли?

– Да, конечно, это одна из самых развивающихся отраслей, – согласился Черноземельников. – И скажу без ложной скромности, моя компания занимает одно из первых мест по значимости среди остальных.

– Ну, вот видите. Наверняка ведь вы получали предложения продать такую успешную компанию, – высказала я свое предположение.

– Ах, вот вы о чем, – Владислав Черноземельников понимающе кивнул головой. – Да, такие предложения мне поступали, и причем неоднократно.

– И вы их, конечно же, отклоняли, – констатировала я.

– Ну, естественно, а как же иначе? – удивленно спросил владелец «Меридиана». – Вообще-то желающих приобрести мою компанию находилось великое множество. Как в Тарасове, так и в столице. Такие предложения делались с завидной периодичностью. И что самое интересное во всех этих историях, за «Меридиан» мне предлагали ну очень смешные деньги, по-другому просто не скажешь. Естественно, я не воспринимал всех этих потенциальных покупателей всерьез. Я вам даже больше скажу, Татьяна Александровна, даже если бы мне и предложили за мою компанию настоящую цену, я бы и тогда не продал ее. А с какой, собственно, стати? Я создал свой «Меридиан» с нуля. В компанию было вложено столько сил, труда и денег, что продать ее было бы верхом безумия. К тому же, как я уже сказал, «Меридиан» успешно развивается. Наконец, у меня растет сын, наследник. Компания в свое время перейдет к нему.

– Успешно развивающиеся компании составляют серьезную конкуренцию остальным аналогичным предприятиям, – заметила я. – У вас ведь наверняка имеются конкуренты, Владислав Геннадьевич.

– Ну, разумеется, куда же без них, – согласился бизнесмен.

– И если, как вы говорите, вам уже поступали предложения о продаже вашей компании, а вы наотрез отказались ее продать, то...

Я сделала многозначительную паузу, ожидая реакции Черноземельникова.

– Татьяна Александровна, на прямой отказ продать компанию конкуренты отреагируют попытками дискредитировать владельца определенными способами, – начал объяснять биз-

несмен. – Например, противная сторона предпримет попытку возбудить уголовное дело, предположим, за неуплату налогов. Или еще что-то в этом роде. В конце концов, есть еще такой способ, как запугивание. Ну, там звонки по телефону с угрозами или еще что-то в этом роде.

– Значит, вы начисто отвергаете связь между убийством вашей дочери и отказом уступить «Меридиан»? – продолжала допытываться я.

– Определенно, здесь нет никакой связи. Во всяком случае, я ее не вижу, – твердо заявил бизнесмен. – Смысла нет убивать мою дочь. Полагаю, конкуренты должны понимать, что таким образом на меня не надавить. Другое дело, если бы вдруг меня попытались шантажировать: продай компанию, или убьем кого-то из близких. Но ничего подобного не было, – добавил Черноземельников.

– Ну, хорошо. Тогда давайте мы с вами сейчас составим договор, и я приступлю к расследованию, – предложила я. – И еще у меня будет к вам просьба, Владислав Геннадьевич. Напишите мне координаты вашего зятя и бывшей супруги. С указанием телефонов и адресов проживания, – уточнила я.

– Сейчас все сделаю, – отозвался Черноземельников.

Я получила аванс и листок с адресами и телефонами, попрощалась с бизнесменом, договорившись периодически созваниваться и сообщать о ходе расследования, и покинула его кабинет.

Выйдя на улицу, я подошла к своей машине и решила, что сначала следует поехать в управление полиции, к Володе Кирьянову. Наверняка определенные сведения и наработки по делу об убийстве Елизаветы у них уже имеются. Да, я же еще не посоветовалась со своими магическими додекаэдрами. Надо исправить это упущение. Я села в машину, достала из сумки черный бархатный мешочек и высыпала двенадцатигранники на сиденье. Потом взяла их в ладони, немного подержала, согревая своим теплом, и мысленно задала вопрос, что мне следует ожидать от данного расследования. Сосредоточившись, я метнула додекаэдры. Выпавшая комбинация цифр предсказала мне успех. Ну что же. Магические «кости», так сказать, благословили меня. Теперь, Таня, смело можешь идти вперед!

Прежде чем ехать в управление к Кирьянову, я решила предварительно ему позвонить. Набрал знакомый номер, я услышала в трубке незнакомый мужской голос.

– Алло, здравствуйте, могу я услышать Владимира Сергеевича? – спросила я.

– К сожалению, Владимир Сергеевич в данный момент находится на совещании, – ответил мужчина. – Ему что-то передать?

– Нет, я перезвоню позже, – ответила я и нажала на «отбой».

Ладно, пока Кирьянов заседает, я поеду на квартиру Елизаветы. Необходимо будет произвести там осмотр. Да, ведь у меня нет ключей. Ничего, сейчас позвоню ее супругу, то есть уже вдовцу. Я вынула из сумочки лист с адресами и телефонами, который дал мне Владислав Черноземельников. Так, Илларион Александровский, коммерческий директор фирмы по проведению праздников «Фокус». Я набрала номер. Трубку взяли сразу.

– Я слушаю вас, – сказал мужчина.

– Алло, это Илларион Григорьевич Александровский? – спросила я.

– Да, это я, – ответил мужчина.

– Илларион Григорьевич, меня зовут Татьяна Александровна Иванова. Я частный детектив. Меня нанял ваш тесть Владислав Геннадьевич для расследования убийства вашей супруги. Мне необходимо осмотреть вашу квартиру.

– Что же, приезжайте, я сейчас дома. Адрес вы знаете? – спросил Илларион.

– Да, Владислав Геннадьевич снабдил меня необходимыми координатами.

– Хорошо, приезжайте, – еще раз повторил Александровский, – я буду вас ждать.

– Тогда до встречи, – сказала я и отключилась.

По дороге я размышляла о том, кому нужна была смерть Елизаветы. По первоначальной версии, согласно которой Елизавету могли убить для того, чтобы освободить теплое местечко в контрольно-ревизионном управлении, ясности пока не было. Для ее уточнения мне еще предстояло наведаться в эту организацию. Да и в любом случае, подставить человека можно и менее радикальными методами. И даже просто уволить по каким-либо причинам. Но настораживал сам случай обвинения во взятке дочери бизнесмена. Либо она брала взятку, тогда могут быть варианты: вдруг деньги некто отдал, а результата не получил? Из мести убил нерадивую сотрудницу. Либо не брала... Тогда, получается, под нее могли «копать». Правда, Владиславу Черноземельникову удалось все уладить. Однако недоброжелатели Елизаветы могли повторить попытку избавиться от нее. И на этот раз вот таким вот кардинальным способом.

Идем дальше. Я высказала владельцу «Меридиана», что его дочь могли убить из-за того, что он проявил несговорчивость, когда конкуренты попытались отобрать у него его компанию. Однако бизнесмен признал мое предположение не заслуживающим внимания и заверил, что в этом случае конкуренты ничего бы не выиграли. Ну что же, ему виднее. К тому же, если поразмыслить, он прав. Даже смерть близкого человека вряд ли заставит бизнесмена погрузиться в пучину горя и продать компанию. Горевать-то он может, но есть еще всевозможные заместители, помощники – все те, на ком, в сущности, и держится любой бизнес. Если бы ему угрожали, дело другое.

Теперь на «повестку дня» выходит вопрос о причастности к смерти Елизаветы ее супруга. Мог ли коммерческий директор «Фокуса» убить Елизавету? Сам Владислав Черноземельников как-то весьма обтекаемо ответил на мой вопрос о том, какие были отношения между его дочерью и ее супругом. Дескать, были ссоры и конфликты, но мебель не ломали и посуду не били. Типа, ничего страшного не происходило. Или Владислав Черноземельников был не в курсе того, какие на самом деле отношения царили в семье дочери, либо он знал гораздо больше, чем мне рассказал. Это наводит на определенные мысли о том, что отношения на самом деле оставляли желать лучшего. Стало быть, Илларион вследствие смерти Елизаветы становится прямым наследником всего имущества. А имущество, надо полагать, немалое.

Супруги проживали в трехкомнатной квартире улучшенной планировки в элитном районе. Такая недвижимость стоит приличных денег. Да и до замужества Елизавете принадлежала однокомнатная квартира, которую ей купил отец. Надо полагать, что и зарплата в КРУ тоже немаленькая. Наверняка у Елизаветы были свои сбережения. Поэтому супруг Елизаветы, Илларион Александровский, сразу подпадает под подозрение. Но с чего бы ему так подставляться, убивая супругу на лестничной клетке, прямо перед входной дверью в квартиру? Если только не какие-то исключительные обстоятельства типа состояния аффекта. А ведь, судя по рассказам Владислава Черноземельникова, его дочь, обладательница несносного характера, вполне могла вывести из себя супруга. Вместе с тем Владислав Черноземельников весьма тепло отзывался о своем зяте...

Да, как ни крути, а денежные отношения являются главным мотивом большинства преступлений. Особенно в семьях. Сколько таких случаев уже было в моей практике. В общем, пока что Иллариона Александровского нельзя исключить из списка подозреваемых в убийстве Елизаветы. Приеду, поговорю с ним, выясню, какие на самом деле были у них отношения в семье. Тогда и буду делать выводы.

Я доехала до дома, где проживала Елизавета, и припарковалась во дворе. Это была большая и ухоженная территория, с детской площадкой и клумбами. Я вышла из машины и направилась к нужному мне подъезду. Набрал на пульте домофона номер квартиры, я приготовилась ждать. Но Илларион взял трубку практически сразу же, как будто находился в прихожей.

– Илларион Григорьевич, это я, Татьяна Александровна, – напомнила я.

– Да, да, проходите, – пригласил Александровский.

Тут же раздался писк домофона, и я открыла дверь в подъезд. Я подошла к лифту, нажала на кнопку вызова, и вскоре лифт приветливо распахнул дверцы. На лестничной площадке было всего две квартиры, дверь одной из них была приоткрыта. Я подошла к ней, и в дверном проеме увидела молодого светловолосого мужчину с мужественными чертами лица. Он был высокий и атлетически сложенный. Чувствовалось, что коммерческий директор «Фокуса» добросовестно посещает фитнес-клуб. Одет он был в спортивный адидасовский костюм.

– Проходите, Татьяна Александровна, – пригласил Илларион и чуть посторонился, пропуская меня.

Я вошла в просторный холл и остановилась.

– С какой комнаты вы хотите начать осмотр? – спросил Александровский, видимо, так истолковав мою остановку в холле. Да, осмотреть квартиру я тоже собиралась, но чуть позже. Жилье может многое рассказать о домочадцах. А мне нужно познакомиться с Лизой поближе, если можно так сказать об убитой молодой женщине.

– Сначала я хотела бы поговорить с вами, Илларион Григорьевич, – сказала я, мельком окинув взглядом холл.

Одну его стену полностью занимал встроенный шкаф-купе с зеркальным фасадом. В углу стоял маленький столик в винтажном стиле. Рядом с ним примостился пуфик.

– Ну, тогда давайте пройдем в гостиную, – пригласил Илларион.

Мужчина пошел вперед и открыл дверь, ведущую в гостиную. Я прошла вперед и оказалась в большой и роскошно обставленной комнате. В комнате был сделан дизайнерский ремонт, помимо этого в ней находилась и явно авторская мебель. Во всяком случае, на эту мысль наводили причудливые линии обеденной группы – стол и четыре стула вокруг него, – а также всевозможной конфигурации светильники, стоявшие на двух тумбах и свисавшие с потолка «Армстронг».

Все убранство выглядело довольно экстравагантно, но создавало впечатление смешения стилей. В общем, на любителя. Я бы так не стала обставлять свою квартиру. Чувствовалось, что главной целью здесь было, что называется, пустить пыль в глаза. Показать посетителям, сколько средств было затрачено и на ремонт, и на обстановку. Однако главного – индивидуальности хозяев и настоящего домашнего уюта – я здесь не увидела. На подоконниках не было ни одного домашнего растения, на стене отсутствовали какие-то семейные фотографии или же просто картины в рамах. В стеклянной горке, находившейся в углу, была выставлена дорогая посуда антикварного вида. Однако никаких сувениров, которые могли бы рассказать о характерах и привычках обитателей этой квартиры, я так и не заметила.

– Располагайтесь, Татьяна Александровна, – предложил Илларион Александровский и жестом показал на широкий кожаный диван шоколадного цвета.

Сам он присел на краешек глубокого кресла, стоявшего рядом с диваном. Я посмотрела на молодого мужчину и не нашла в его облике ничего, что говорило бы о его скорби или хотя бы о расстроенных чувствах. Однако и настороженности, а также беспокойства и тревоги я тоже не заметила. Скорее, в облике Иллариона скользили растерянность и недоумение.

– Илларион Григорьевич, – начала я, – скажите, когда вы в последний раз видели Елизавету Владиславовну?

– Это было позавчера. Утром, – ответил Илларион.

– То есть накануне того дня, когда ее убили? – уточнила я.

– Да, совершенно верно, – вздохнув, ответил Александровский.

– Получается, что вы ночь, предшествующую убийству вашей супруги, провели вне дома? – задала я следующий вопрос.

– Да, совершенно верно, – слово в слово повторил Илларион свою предыдущую фразу.

– А где именно вы провели ту ночь, Илларион Григорьевич? – Я настойчиво продолжала развивать данную тему.

- У своих... у своего приятеля, – с небольшой заминкой ответил Александровский.
- У приятеля, значит. Где он проживает, ваш приятель? И как, кстати, его зовут? – тут же задала я новые вопросы.
- А почему я должен вам сообщать его данные? – с некоторым вызовом спросил коммерческий директор «Фокуса».
- А что, полицейские вам подобных вопросов не задавали? – ответила вопросом на вопрос я. – Или вы отказались с ними общаться?
- Задавали, – тяжело вздохнул мой собеседник. – Взяли подписку о невыезде. Да как такое возможно – чтобы я убил собственную жену! – возмутился Илларион.
- Я хочу быть уверенной в том, что вы говорите мне правду, – объяснила я.
- Я вас не обманываю! – воскликнул Илларион. – Но я не собираюсь выдавать своего приятеля и обнародовать его данные. В конце концов, я не на допросе! – снова эмоционально ответил Александровский.
- Ну, если вы будете и впредь игнорировать мои вопросы, то вам пришлют повестку, и разговаривать мы с вами будем уже в управлении полиции, – твердо сказала я.
- Но я ничего не совершил противозаконного! Почему вы меня допрашиваете? – упрямо твердил свое Александровский.
- Пока я просто с вами беседую. Задаю вопросы и надеюсь получить на них правдивые ответы. А вы своим запирательством вызываете подозрение.
- Да в чем вы меня подозреваете-то? – вскричал коммерческий директор «Фокуса».
- Илларион Григорьевич, вы что же, действительно ничего не понимаете? – спросила я и пристально посмотрела на молодого мужчину.
- А что я должен понимать? – Александровский недоуменно посмотрел на меня. – Вы почему-то упорно спрашиваете меня о том, где я провел ночь накануне смерти Лизы. Какая разница, где? Я ведь уже сказал, что вне дома. А где именно, касается только меня и никого больше!
- Вы глубоко заблуждаетесь, Илларион Григорьевич, – я покачала головой. – В любой другой ситуации – да, вы вправе находиться там, где считаете нужным. И отчет в этом никому давать не обязаны. Но только не в данном случае.
- Да почему же? Я что же, под подозрением? – нервно поинтересовался Александровский.
- Еще под каким подозрением. Ведь вашу супругу убили, а накануне ее убийства вы провели ночь неизвестно где, – объяснила я ситуацию.
- Почему неизвестно? – возразил Илларион Александровский. – Я же уже сказал, что был у своего приятеля.
- Но его имя и адрес проживания вы упорно продолжаете скрывать. А подобное запирательство свидетельствует не в вашу пользу. Поскольку алиби на время убийства Елизаветы Владиславовны у вас нет, то вы становитесь подозреваемым номер один. Кстати, у вас был оформлен брачный договор? – задала я новый вопрос.
- Да при чем здесь он-то? – недоуменно спросил Александровский.
- Очень даже при чем, Илларион Григорьевич. Если в нем прописано, что после смерти Елизаветы Владиславовны вы не имеете права претендовать на ее часть имущества – это одно дело. А вот если такой договор не был составлен, то наследником первой очереди являетесь вы, а также ваша дочь.
- Коммерческий директор в ответ на мое объяснение промолчал.
- Так вот, Илларион Григорьевич, еще раз обращаю ваше внимание на сложившуюся ситуацию, – продолжила я. – Ваша супруга, Елизавета Владиславовна, убита, трехкомнатную квартиру улучшенной планировки в элитном районе Тарасова по закону наследуете вы. Я уже даже не говорю об остальных материальных ценностях.

– Но это бред какой-то! – воскликнул Александровский. – Вы что же, считаете, что я убил Лизу для того, чтобы завладеть этой, как вы выразились, престижной жилплощадью?

– На данный момент у вас нет никаких доказательств вашей непричастности к убийству супруги. Вы скрываете имя того человека, у которого провели ночь накануне убийства Елизаветы Владиславовны, который мог бы подтвердить факт вашего присутствия у него. То есть вы сами себя лишаете алиби, – сказала я.

– Господи! – почти вскричал мужчина. – Ну, сколько раз еще повторять, что я не убивал Лизу! Я же отдавал себе отчет в том, что за убийство мне придется отсидеть приличный срок. Это же, получается, сгубить свою жизнь. Хотя она и так уже... Это была не жизнь, а какой-то кошмар! Но несмотря ни на что, я сейчас испытываю к Лизе жалость. Я бы не пожелал ей такого, хотя она и вымотала меня прилично.

– То есть мысли об убийстве у вас все же мелькали? – зацепилась я за его слова, настаиваясь.

– Ну мелькали, – нахмурился Илларион. – У вас что, такого не бывает: если вас человек достанет, подумаешь: «Убил бы!» Вот и все. Убивать мать своего ребенка я не собирался. И не умею, я даже в армии не служил. И не хочу за решетку.

– Так что там с другом? Или... это была подруга, потому вы и скрываете? – озвучила я свою догадку.

Илларион Александровский замолчал. Я терпеливо ждала ответа.

– Ладно, я все вам расскажу, – наконец решился Илларион.

Я кивнула:

– Я вас слушаю.

– Я был здесь, то есть дома, позавчера утром. Это был последний раз, когда видел Лизу живой. Я вам сразу это и сказал.

– Да, я помню. Но почему не вернулись домой к ночи? Почему вы решили провести ночь вне дома? Что-то произошло? – спросила я.

– Да, произошло. Произошел грандиозный скандал, – через силу признался Александровский.

– Вот как?

– Да.

– А вы часто скандалили?

– Практически постоянно.

– Но как же вы жили в такой обстановке постоянных скандалов? – удивленно спросила я. – Ведь у вас маленький ребенок.

– Я скажу вам больше, Татьяна Александровна. Мы не просто ругались, мы... в общем, это чувство можно назвать ненавистью.

– Даже так? – изумленно спросила я.

– Да. После того как мы с Лизой поженились, она начала придирается ко мне, что называется, на ровном месте. То я не так чашку поставил, то ботинки не туда убрал. Ну и все прочее в таком же духе. Ей не нравилось, как я хожу по квартире, как сам себе готовлю пищу. Да ей во мне все не нравилось, все не устраивало. То есть, что бы я ни делал, все было не так, все было ей не по нраву. Лизу невозможно было ни в чем убедить. Взаимопонимания между нами не было от слова «совсем». И вот, позавчера утром мы с ней разругались в пух и прах. Я, как обычно, встал и пошел на кухню готовить себе завтрак. Лиза уходила на работу позже меня, она могла еще час или полтора спать. Но она почему-то всегда просыпалась раньше и недовольно выговаривала мне, что я не даю ей выспаться. Так было всегда, и так было и в то утро. Я старался не обращать особого внимания на ее придирки, но, как назло, в то утро у меня пригорела яичница, и Лиза как с цепи сорвалась. Она бегала по кухне и по всем комнатам и кричала, что ей нечем дышать от той гари, что я устроил. Потом она, видимо, выдохлась

и вернулась в спальню. Но я тоже уже был на взводе и выронил из рук жутко дорогую и эксклюзивную чашку, когда собирался выпить кофе. Лиза снова примчалась на кухню и наговорила мне много «ласковых» слов. О том, какое я ничтожество, какой косорукий и так далее и тому подобное. Я сказал ей, что сейчас все уберу, но она выхватила у меня из рук метелку и совок и принялась сама сметать осколки, продолжая награждать меня обидными эпитетами. А вишенкой на торте стала сломанная декоративная полочка в холле, которую я нечаянно зацепил, когда пытался вырваться из рук Лизы.

– Она что же, не выпускала вас из дома? – с удивлением спросила я.

– Да, она вцепилась в меня, когда я сообщил ей, что подаю заявление на развод, – объяснил Александровский. – Вот тогда я и схватился за эту полочку, совершенно случайно. Полочка тоже была не простая, Лиза откопала ее в каком-то антикварном магазине.

– А что ваша супруга ответила на ваше сообщение о том, что вы собираетесь с ней развестись? – поинтересовалась я.

– Вы себе не представляете, Татьяна Александровна, что началось. Лиза рвала и метала. Она кричала, что ни за что не даст мне развод, что суд будет на ее стороне и что дочку я больше не увижу, потому что она запретит. Еще она говорила, что я всем обязан ее отцу, но это не так. Да, Владислав Геннадьевич очень нам помог с этой квартирой, но я ведь тоже не нищенствовал. Я занимаю должность коммерческого директора в фирме по проведению праздников, называется фирма «Фокус». Она хорошо известна в Тарасове, нашими услугами воспользовались многие. Фирма продолжает развиваться. Поэтому говорить, что я всем в жизни обязан Владиславу Геннадьевичу, а сам ничего не добился и ничего из себя не представляю, ну это просто чудовищная ложь. Но ставить все с ног на голову – это вообще в стиле Лизы, этого у нее не отнять. Так вот, Лиза кричала, что я сошел с ума, поскольку заикнулся о разводе с ней. Правда, в первую минуту, когда я ей это сообщил, она вроде бы притихла, чего с ней раньше не случалось. И я было подумал, что сейчас, пожалуй, с ней можно будет спокойно поговорить. Я начал говорить Лизе, что нам нет смысла сохранять наш брак. Ведь мы постоянно ругаемся, иногда даже в присутствии дочки. Да, и такое бывало, чего уж тут скрывать. Ребенка это, мягко говоря, нервировало. Я Лизе прямо сказал: поскольку она даже не делает вид, что питает ко мне хоть какие-то чувства, для нее лучше будет, если мы разведемся. Она вполне может еще раз выйти замуж. Но, кажется, пока я приводил аргументы в пользу развода, Лиза уже успела овладеть собой и принялась угрожать мне всеми карами небесными. Что она оставит меня без копейки, что мне нечего рассчитывать на наши совместные накопления, что она вообще разорит меня и я буду гол как сокол до конца своей жизни. И я понял, что все разговоры бесполезны. Я просто молча открыл дверь и вышел в тамбур. Лиза было подалась за мной, но мимо проходили жильцы, и она не решилась продолжать скандал на глазах у людей.

– Постойте. Почему вы, если ваш брак оказался неудачным, так долго жили с Лизой и только теперь решились на развод? – притормозила я его словесный выплеск.

– Из-за дочки. Кристинка меня очень любит. Смею надеяться, мы с ней друзья. Ну и... не было к кому уходить. Надеялся, что Лиза переберется, успокоится... – пожал плечами Илларион. А я задала еще один вопрос:

– Лиза грозилась, что оставит вас без копейки. Она могла это сделать?

– Совсем без копейки – нет, разумеется. Могла повредничать и перевести деньги – а там серьезная сумма – с нашего общего счета на свой личный. Могла отказаться делить квартиру – но я и не собирался жилье отнимать. Квартиру эту нам тесть, Лизин отец, на свадьбу подарил. А в остальном... Тесть ко мне нормально относится, думаю, он не стал бы вредить из прихоти капризной дочки. Работаю я в независимой компании и считаюсь ценным сотрудником. Да, возникли бы, наверное, проблемы из-за Кристины. Лиза попыталась бы препятствовать моим с ней встречам. Ну и тридцатипроцентные отчисления с доходов на алименты. Последнее я

вообще проблемой не считаю. Неужели оставил бы собственного ребенка без финансовой поддержки?

– Поняла. И что было потом? – спросила я. – Когда вы вышли из дома.

– Я поехал на работу. Наш генеральный директор Лебедев Антон Сергеевич может это подтвердить. А потом послал Лизе сообщение, что домой не вернусь, – сказал Александровский.

– Так, послали сообщение. Почему не позвонили? – уточнила я.

– Я же понимал, что в противном случае меня ждет еще один скандал. Ну, сколько же можно!

– А куда же вы отправились вечером? – спросила я.

– К Виктории Красильниковой, к Вике, – ответил Илларион.

– Это кто? Ваша подруга?

– Да. Точнее, моя девушка. Но Вика здесь совсем ни при чем. Прошу вас, не надо ее беспокоить, – попросил Александровский.

– И все-таки, Илларион Григорьевич, вам придется сказать, где она живет, – твердо сказала я.

– Без этого никак? – умоляющим тоном спросил Александровский.

Я отрицательно покачала головой.

– Поймите же, вам необходимо представить все доказательства своей непричастности к смерти вашей супруги, – объяснила я.

– Ну, хорошо, – вздохнул Илларион и продиктовал адрес Виктории.

– Давно вы с ней знакомы? Вы встречались или это была случайная интрижка?

– Познакомились несколько месяцев назад, – с готовностью ответил Илларион. – Встречались. Вика – чудесная девушка, очень спокойная, теплая. Постепенно я понял, что хочу быть с ней.

– Так, ладно. Значит, вы послали своей супруге сообщение, что ночевать дома не будете. Так?

– Я еще раз подтвердил, что подаю на развод и домой больше не вернусь. Но кто же знал, что такое случится...

– Сообщение у вас сохранилось? – спросила я.

– Да, конечно, – утвердительно кивнул мужчина.

Илларион Александровский вынул свой смартфон и, пролистав список эсэмэсок, показал мне одну из них. В ней было всего несколько слов: «Я подал на развод, домой не вернусь». Отправлено сообщение было в двадцать два часа пять минут.

– Я сначала хотел удалить свое сообщение, – сказал Илларион.

– А вот этого делать ни в коем случае нельзя. Идет следствие, кто знает, возможно, это сообщение будет иметь решающее значение в вашей судьбе, – начала я объяснять. – Кроме того, эксперты в состоянии восстановить удаленные сообщения. Скажите мне еще вот что, Илларион Григорьевич. Вы ведь отдавали себе отчет в том, что ваша супруга, узнав о том, что вы будете с ней разводиться, непременно будет мешать вам с Викторией?

– Да, конечно, Татьяна Александровна. Для Лизы создавать мне неприятности, мешать – это как нечто само собой разумеющееся. Но я все равно не собирался отступать от принятого мной решения. Я бы оставил Лизе все наше совместно нажитое имущество. Просто больше я не смог бы выдержать такую жизнь. Вот Вика – это совсем другая женщина. Они с Лизой – как небо и земля. И мне не нужна эта благоустроенная квартира и богатые подарки Владислава Геннадьевича. Он хороший человек, он постоянно исполнял все прихоти Лизы по поводу сто первой шубы или очередного бриллиантового кольца. Он и мне делал дорогие подарки. Однако для меня лучше скромная квартира Вики, но спокойная, без скандалов жизнь, чем роскошь и унижение здесь, поверьте, Татьяна Александровна.

– А могла Лиза знать о... ваших свежих чувствах?

– Думаю, нет, – покачал головой Илларион. – У меня такое ощущение, что ей было не до меня. Я для нее – просто статус мужа, и все. Полноценная семья, с дочкой, дом – полная чаша. Ну... наверное, ее поведение бы изменилось, если бы она узнала о таком. А тут – все как всегда.

– Я вам верю, Илларион Григорьевич, но ведь у вас растет дочь. Вы подумали о ней? Ведь вряд ли Елизавета Владиславовна согласилась бы беспрепятственно позволять вам видеться с дочерью, – заметила я.

– Ну да. Трудности, конечно, были бы, – согласился Александровский. – Но я думаю, что только поначалу. В конце концов, меня ведь никто не лишал родительских прав. Поэтому я имею полное право общаться со своей дочерью. По суду мне бы предоставили это право, я в этом уверен. Да и Владислав Геннадьевич был бы на моей стороне. Он тоже очень любит Кристинку и понимает, что для ребенка важна не только мать, но и отец тоже. А вообще... Знаете, когда я узнал о том, что Лизу убили, то начал вспоминать всю нашу совместную с ней жизнь. Все пытался найти какие-то положительные моменты. Но их не было.

– Так зачем же вы женились на Елизавете Владиславовне? – спросила я. – Ваша супруга, насколько я поняла из вашего рассказа, не то что не любила вас, она просто вас на дух не переносила. Получается, что романтические чувства были только с вашей стороны?

– Не буду вам врать, Татьяна Александровна, насчет романтических чувств. Это было только вначале, а потом... – Александровский вздохнул. – Потом с моей стороны было, как я сейчас понимаю, чувство ответственности за новую жизнь. Я имею в виду Кристину. Лиза оказалась беременной, и мы решили официально оформить наши отношения. То есть поженились мы с Лизой исключительно по «залету».

– А Лиза? Она так же относилась к браку с вами? – уточнила я. – По необходимости?

– Поначалу мне казалось, что я ей дорог. А потом, уже после свадьбы, все стало меняться. Я думал, дело в непростой беременности – говорят же о депрессии беременных. Надеялся, что пройдет. Но не прошло...

«Ну что же, я оказалась права в своем предположении относительно брака Елизаветы и Иллариона, – подумала я. – Однако непонятно, почему Елизавета выбрала Иллариона? Ведь у него не было высокопоставленного отца, такого, как у нее самой. При ее честолюбии брак с Илларионом вряд ли мог считаться хорошей партией».

– И знаете, что интересно, Татьяна Александровна? – продолжал Александровский. – Ведь Лиза даже и не собиралась за меня замуж выходить. Хотя она мне очень нравилась. Я начал за ней ухаживать. Но Лиза держалась высокомерно. Даже как-то раз отшила, что называется. И вдруг как-то совершенно неожиданно благосклонно обратила на меня свой взгляд. Мы стали перезваниваться, встречаться. Вот тогда, в тот период Лиза была совсем другой. А когда выяснилось, что она беременна, то больше всех, пожалуй, радовался отец Лизы, Владислав Геннадьевич.

– Вы не помните, с кем она встречалась до начала ваших с ней отношений? – спросила я. И впрямь, как-то странно все это выглядит. Сначала девица отшивала поклонника, а потом чуть не сама на шею кинулась.

– Нет, не помню, – покачал головой Илларион. – Да какая разница? Тогда я просто летал от счастья, что Лиза обратила на меня внимание!

«Какая разница, говоришь? – мысленно хмыкнула я. – Странностей в этом хватает. Во-первых, то, что Лиза изменила свое отношение к парню – ненадолго, впрочем. Во-вторых, Владислав Черноземельников наверняка хотел бы иметь статусного зятя, а не такого ничем не примечательного студента, как Илларион. В-третьих... а ребенок ли это Иллариона? Впрочем, ладно. Воспитывает он дочку, и молодец. Может, там какой-нибудь залетный тип и был... Сейчас-то зачем в этом копать?» – подумала я, а вслух спросила:

– Неужели ваш тесть хорошо вас воспринял? Но по какой же причине?

– Видите ли, Татьяна Александровна, Лиза, еще будучи в выпускном классе школы, пустилась, что называется, во все тяжкие. Ну, в том смысле, что связалась с какой-то сомнительной компанией. То ли с чернокнижниками, то ли еще с кем-то. Возможно, причиной этому было то, что Владислав Геннадьевич развелся с Анастасией Александровной, матерью Лизы, и женился на другой женщине. Вот Лиза и взбунтовалась в знак протеста, я так думаю. Скорее всего, Владислав Геннадьевич надеялся, что рождение ребенка изменит Лизу, и она перестанет вести такую жизнь.

– И что, она действительно изменилась в лучшую сторону? – спросила я.

– Да. Лиза перестала водиться с этими сомнительными людьми. Но сказать, что она всецело занялась дочкой, тоже нельзя. Нет, я понимаю, что с маленьким ребенком очень нелегко, но ведь у нас была няня. Даже целых две: одна дневная, а другая приходила на ночь. Все-таки мы оба учились. Лиза не захотела брать академический отпуск. Но ей в любом случае не приходилось проводить бессонные ночи, да и днем она особенно не перегружалась. Но почти сразу же после того, как мы с Лизой поженились, ее отношение ко мне очень изменилось.

– В чем это выразалось? – спросила я.

– Лиза начала постоянно меня цеплять, придираться по пустякам, устраивать скандалы на ровном месте. Ее просто нельзя было узнать. Я-то поначалу думал, что это так беременность на нее влияет. И терпел, как мог, все ее закидоны, все ее прихоти и придирки. Но и после рождения Кристины ее отношение ко мне осталось таким же. Не изменилось ровным счетом ничего. Даже в какой-то степени все еще больше усугубилось. Раньше она изводила меня своими придирками, а потом начала упрекать в том, что я не ценю то, что Владислав Геннадьевич постоянно нам помогает и деньгами, и подарками. Свадьбу устроил нам шикарную. Вот эту квартиру нам подарил, обставил ее. Но я же совершенно не рассчитывал на его помощь. Это был с его стороны такой благородный жест – помочь молодой семье своей дочери. И, конечно же, я был ему очень благодарен за его помощь. У нас с Владиславом Геннадьевичем сложились очень хорошие отношения, – добавил Илларион.

– Скажите, а у Владислава Геннадьевича уже тогда была новая семья? – спросила я.

– Да. Его новая жена, Светлана Михайловна, гораздо моложе матери Лизы. У них растет сын, он почти ровесник Кристины. Вот так уж получилось. Но Кристину Владислав Геннадьевич тоже очень любит, как и собственного сына. Я дочку тоже люблю. Пожалуй, только из-за нее я раньше не поднял вопрос о разводе.

– А как к Кристине относится его новая супруга? – спросила я.

– Нормально, – ответил Илларион. – Кристина с Левушкой, это младший сын Владислава Геннадьевича, практически одногодки и прекрасно играют.

– А с Елизаветой Владиславовной они были в каких отношениях? – продолжала я выяснять подробности жизни дочери Владислава Черноземельникова.

– Ну, можно сказать, что отношения у них были нейтральные. Особой неприязни друг к другу у них не было.

– Понятно. Скажите, Илларион Григорьевич, а с Викторией, вашей девушкой, вы планировали узаконить свои отношения? – спросила я.

– Да, конечно, – утвердительно кивнул Александровский. – Я уже сделал ей официальное предложение.

– А когда это произошло? Еще тогда, когда Елизавета Владиславовна была жива? – спросила я.

– Ну, разумеется. Ведь Лизы не стало только вчера. А с Викой мы встречаемся уже несколько месяцев. Да я готов был переехать к Вике уже давно. Планировал до официального развода переехать к Вике, – поделился своими планами Илларион.

– То есть решение развестись вы вынашивали давно. Почему так медлили?

– Опасался... и рвать уже сложившиеся, пусть и плохонькие, отношения... И бросать Лизу – все-таки она мне не чужая, мать моего ребенка. И Кристинку жалко было... И... а вдруг с Викой я ошибаюсь, как и с Лизой в свое время? А тут... дочка в санатории, Лиза совершенно озверела. Ну и я разозлился, вот и выпалил все начистоту.

– Ну а почему же вы, Илларион Григорьевич, не пришли домой на следующий день после того, как вы объявили своей супруге, что подаете на развод? – спросила я. – Ведь такой серьезный вопрос необходимо было обсудить.

– Да, вы правы, Татьяна Александровна, – согласился со мной Александровский. – Но я, признаюсь, поступил малодушно. Не хотелось мне снова слышать обвинения в свой адрес, а главное, пикироваться по поводу предстоящего развода. Я уже окончательно решил, что не останусь с Лизой ни при каких условиях.

– Однако развод в один день не происходит, – возразила я. – Тем более что у вас имеется маленький ребенок. Поэтому вам пришлось бы встретиться со своей супругой еще не один раз.

– Это все так, Татьяна Александровна, но мне нужна была передышка, хотя бы кратковременная. Она мне была просто необходима. Иначе я не выдержал бы, – признался Илларион Александровский.

– Я вас поняла. Значит, ночь вы провели вместе с Викторией, а утро следующего дня? Где-то в другом месте? – задала я главный вопрос по поводу местонахождения Александровского в момент убийства Елизаветы.

– Нет, я остался у Вики, – ответил мужчина.

– И Виктория подтвердит, что вы действительно провели у нее и ночь, и утро следующего дня? – спросила я.

– Да, конечно, – уверенно ответил Александровский.

– Так, понятно, – сказала я, вставая с дивана. – Давайте, я осмотрю квартиру.

Личные вещи как минимум могут рассказать об эмоциональном состоянии человека. Все-таки накануне трагической гибели Лиза крупно поругалась с мужем, узнала, что он намерен с ней развестись. Большая часть женщин, наверное, рвала бы и металла.

– Пожалуйста, проходите, вот здесь наша спальня, – Александровский открыл передо мной дверь.

Я прошла в просторную комнату. Посередине ее стояла большая двуспальная постель, застеленная пушистым шерстяным пледом в красно-коричневых тонах. По обе стороны от кровати стояли тумбочки с настольными лампами. В углу расположилось большое трюмо, на столешнице которого стояли косметические принадлежности: множество коробочек с кремами, палетки с декоративными тенями для век, тушь для ресниц и подводка, тюбики с помадой и флаконы с парфюмом. Отдельно от косметики стояла большая инкрустированная шкатулка. Я открыла ее. Моему взору открылись драгоценные украшения: кольца, серьги, колье, браслеты.

– Илларион Григорьевич, вы не в курсе, из украшений что-нибудь пропало? Вообще в квартире, когда вы вернулись, были следы чужого присутствия?

– Нет, на первый взгляд, – покачал головой мужчина. – Криминалисты тоже об этом спрашивали. Они сказали, что следов взлома не обнаружено. Но у Лизы же с собой ключи были – если бы преступник хотел, он бы с легкостью в квартиру зашел и все вынес.

– Кстати, вы сами вернулись домой в тот день?

– Нет, я часов в одиннадцать или около того от Вики ушел, собирался на работу ехать, а мне позвонили из полиции... рассказали, что случилось, и попросили подъехать сюда. Ну и... потом в отделение возили, вопросы задавали...

– Понятно, – ну да, сначала криминалисты провели все следственные мероприятия, а это дело небыстрое. Потом уже стали звонить родственникам.

Я направилась к шкафу-купе, который занимал одну из стен спальни. Раздвинув дверцы, я оглядела ряды вешалок-плечиков с платьями, блузками и юбками. Соседнюю секцию зани-

мали постельное белье и предметы нижнего белья. Белье, естественно, было брендовое и дорогое. В отдельном отсеке висели сумки. Некоторые из них тянули на маленькое состояние. Однако ничего особенного, заслуживающего внимания, я здесь не обнаружила.

Я перешла к компьютерному столу и начала осмотр с ящиков стола. Поочередно выдвигая ящики, я внимательно рассматривала квитанции, счета, еще какие-то бумажки. Мое внимание привлекла сложенная вчетверо квитанция. Я развернула ее: это оказался счет из недавно открывшегося ресторана «Синий краб». Он был на довольно внушительную сумму. Судя по дате, ресторан Елизавета посещала за несколько дней до своего убийства, в пятницу, то есть в рабочий день. И было это в десять часов утра. С кем она была в «Синем крабе»? Ну, определенно, не с Илларионом. Вряд ли они могли вместе ходить по ресторанам при наличии таких сложных взаимоотношений. Может быть, это был деловой завтрак? Я положила чек в свою сумку: позже разберусь.

– Во сколько у вашей супруги начинался рабочий день?

– В десять, – ответил Илларион. – Она где-то в девять, иногда чуть раньше или чуть позже, выходила из дома.

– Скажите, у вашей супруги был отдельный компьютер или тот, что стоит на столе, является общим?

– У Лизы был свой ноутбук, у меня – тоже. Этот комп поначалу был общим, но потом у нас Лизой появились индивидуальные, – объяснил Александровский.

– А где они сейчас находятся? – спросила я.

– В управлении полиции, – ответил мужчина. – Сказали, что эксперты произведут необходимый осмотр.

– А стационарный почему не забрали? – удивилась я.

– Так он сломан давно, – пожал плечами Илларион. – Мы им не пользуемся уже с год, только руки не доходят выбросить или в кладовку перенести. Стоит себе – и пусть стоит. Эксперты, кстати, его на месте посмотрели и оставили.

– А что было у Елизаветы Владиславовны с собой, когда она вышла из квартиры? Какие вещи? – спросила я.

– Да я не знаю, – растерянно произнес Александровский. – Ну, сумочка, должно быть, что же еще?

– Телефон? Кредитки, наличные? – начала я перечислять.

– Не в курсе, – покачал головой Илларион. – Но, скорее всего, то, что вы перечислили, у Лизы было при себе. Она никогда не выходила из дома без телефона и кредитных карточек.

«Ладно, выясню, когда приеду в Управление и ознакомлюсь с материалами заведенного уголовного дела», – подумала я.

– У вас ведь есть еще одна комната? – спросила я.

– Да, это детская. Пойдемте, я покажу.

Мы прошли по коридору, и Александровский открыл дверь дальней комнаты. Она была меньше по размеру и гостиной, и спальни. Это было настоящее царство маленькой принцессы. Уютная комната в розовых тонах буквально утопала во множестве игрушек. Осмотр комнаты дочки Елизаветы и Иллариона не занял много времени. Я вернулась в гостиную.

– Илларион Григорьевич, скажите, у вашей супруги были какие-либо неприятности в последнее время? – спросила я.

– А что вы имеете в виду, Татьяна Александровна? – спросил Александровский.

– Ну, прежде всего я имею в виду, что, возможно, по работе, – пояснила я.

– Видите ли, Лиза никогда не рассказывала мне о том, что происходило на ее работе. Впрочем, я тоже не делился с ней какими-то неприятностями или, наоборот, успехами. Наши отношения не располагали к этому, мягко говоря.

– Я понимаю вас, Илларион Григорьевич. Но, возможно, вы замечали, что она чем-то озабочена или подавлена? Может быть, были телефонные звонки угрожающего характера? Вы не в курсе? – спросила я.

– Вы знаете... да, что-то такое похожее, кажется, было, – задумчиво произнес Александровский.

– Расскажите поподробнее, Илларион Григорьевич, – попросила я.

– Да я, собственно, ничего толком и не знаю. Ну, были телефонные звонки, да. Но Лиза всегда выходила из комнаты, и разговора я не слышал. Но после этих звонков у Лизы заметно менялось настроение. Да, она становилась нервной. Эти звонки явно были, мягко говоря, неприятными. Я пару раз спрашивал, не случилось ли чего... Но она меня, можно сказать, посылала: говорила, что это не мое дело, меня не касается...

– А как давно такие звонки начались? – спросила я.

Александровский задумался, припоминая.

– Ну, несколько недель назад. Примерно, – сказал он.

– Понятно. Скажите, а у вашей супруги были какие-то увлечения, хобби? Может быть, она состояла в каких-то обществах? – высказала я предположение.

– Да нет. Особых увлечений у Лизы не было. Ну, если только шопинг. А так она больше любила проводить время дома. Говорила, что у нее очень нервная работа, что ей необходимо большую часть времени проводить в тишине и покое. Правда, иногда мы все-таки выходили вместе к моим друзьям. Да, кстати, вот не так давно мы с Лизой были в ресторане. Я совсем забыл об этом в связи с таким трагическим событием.

– Да? Расскажите об этом поподробнее, – попросила я.

– Второй супруг Лизиной матери отмечал двадцатипятилетие своей дочери. Девушка серьезно больна, кажется, у нее рассеянный склероз. В связи с этим она практически все время проводит в израильской клинике, ее мать, первая жена отчима Лизы, живет вместе с дочерью. Но вот несколько дней назад они специально приехали в Тарасов, чтобы отметить эту дату. Был заказан столик в ресторане для этой девушки, Ольги, ее матери Натэллы Викторовны и ее отца Игоря Анатольевича. Но отчим Лизы решил, что правильно будет, если на торжество придут и мать Лизы, и мы с ней. Не знаю, насколько правильным было это его решение. На мой взгляд, получилось как-то не очень. Во всяком случае, неловкость очень заметно ощущали все присутствующие. А Натэлла Викторовна просто неприкрыто злилась. Но мы с Лизой и ее матерью пробыли в ресторане недолго. Сослались на срочные дела, извинились и ушли.

– Понятно. Кстати, по поводу ресторана. Вы знаете, что Елизавета Владиславовна кроме того случая, о котором вы рассказали, несколько дней назад была в недавно открывшемся ресторане «Синий краб»? – спросила я.

– Нет, мне ничего об этом не известно, – Александровский удивленно посмотрел на меня. – Впрочем... Деловая встреча? Она могла с кем-то встретиться в ресторане, – предположил он.

– И еще один вопрос, Илларион Григорьевич. У вашей супруги был любовник? – спросила я.

– Не знаю, – равнодушно отреагировал Александровский. – Но мне кажется, что нет, не было.

– А почему вы так считаете? – спросила я.

– Видите ли, Татьяна Александровна, Лиза практически все время проводила дома. Ну, кроме работы, разумеется. И потом... она же все время была раздраженная, даже злая. Мне кажется, что выносить мозг стало смыслом ее жизни. Кому-то больше, кому-то меньше. Я на себе испытал все сполна. Но и другие тоже страдали от ее высокомерия и холодности. Никакой мужчина не выдержит такое обращение.

«А может быть, Елизавета Александровская все-таки завела любовника, а он оказался не таким терпеливым, как Илларион, – подумала я. – Произошла ссора, и вот – результат. Но вряд ли любовник стал бы убивать Елизавету на пороге квартиры. Зачем ему светиться? Ладно, буду продолжать расследование».

– А что с друзьями? Подруги у вашей жены были?

– По-моему, она изредка только с Валентиной общалась, вроде бы они с детства дружили. Но встречались они без меня. Я Валю пару раз видел. Не хотела Лиза меня брать с собой на эти дамские посиделки.

– Учились они в одном вузе?

– Нет, в разных. Во всяком случае, в универе я с Валентиной не сталкивался.

– Где можно найти эту Валентину? Ее фамилию вы знаете? – задавала я вопрос за вопросом. Но ответов на них не получила. Илларион Григорьевич не знал фамилии подруги своей жены, не знал, и где она живет. Ладно, если девушки созванивались, в полиции постараюсь как минимум телефон Валентины выяснить. А по номеру пробить человека – не проблема.

– Илларион Григорьевич, у меня к вам последний вопрос. Может быть, были еще какие-то родственники, с которыми у вашей супруги сложились неприязненные отношения? Возможно, кто-то особенно ей досаждал, или наоборот.

– Дайте подумать... Разве что Лизин двоюродный брат, Анатолий. Очень неприятная личность. Он то ли алкоголик, то ли наркоман. Ну, в общем, такой вот тип.

– А что, между ними были стычки? – спросила я.

– Ну, Анатолий периодически клянчил у Лизы деньги, – объяснил Илларион. – Сюда к нам приходил несколько раз.

– Эти визиты происходили в вашем присутствии? – спросила я.

– Нет, просто я слышал, как Лиза по телефону выговаривала своей матери, Анастасии Александровне. Ведь Анатолий – сын ее старшей сестры, – объяснил Александровский.

– А вы знаете, где живет Анатолий? – спросила я.

– Да, как-то раз пришлось у него побывать, это на окраине Тарасова. Я сейчас уточню адрес.

– Да, пожалуйста, – попросила я.

Илларион вышел из гостиной и через некоторое время вернулся с листком бумаги в руках.

– Вот, я написал адрес Анатолия, Татьяна Александровна, – сказал он и протянул мне листок.

– Спасибо. Ну, что же, Илларион Григорьевич, вот вам моя визитка, – я вынула из сумки картонный квадратик-визитку и положила на стол, – если что-то вспомните, то позвоните мне, пожалуйста.

– Хорошо, Татьяна Александровна, – сказал Илларион Александровский.

– Да, Илларион Григорьевич, у вас есть какая-нибудь фотография Елизаветы Владиславовны? – спросила я, подумав, что фото может мне пригодиться.

– Сейчас поищу, – сказал Александровский и снова вышел из гостиной.

Вскоре он вернулся с фотографией.

– Вот, пожалуйста, – он протянул мне фото.

– Спасибо вам и до свидания, – сказала я и прошла в холл.

Покинув квартиру Елизаветы и Иллариона, я решила, что стоит пообщаться с соседкой, обнаружившей Елизавету Александровскую. Разумеется, полицейские с ней общались. Но далеко не все наши граждане с доверием относятся к службе правопорядка.

Я позвонила в соседнюю дверь и практически сразу же услышала женский голос:

– Кто там?

– Откройте, пожалуйста, – попросила я. – Я частный детектив, мне необходимо поговорить с вами.

Послышался звук открываемых замков, и на пороге открывшейся двери появилась женщина лет шестидесяти пяти или чуть больше, невысокого роста и приятной полноты. Она была одета в трикотажные пестрые брюки и бордового цвета блузку.

– Меня зовут Татьяна Александровна Иванова, – представилась я соседке Александровских. – Я провожу расследование по поводу убийства Елизаветы Владиславовны. Ведь это вы обнаружили ее тело?

– Да, я. Ужас! Просто кошмар! Я до сих пор под этим жутким впечатлением! Уже вторую ночь не сплю, представляете? Но что же мы стоим? Проходите, Татьяна Александровна, в гостиную, – пригласила меня женщина.

Через просторный холл мы прошли в богато обставленную гостиную. Женщина усадила меня на антикварного вида кресло, обитое гобеленовой тканью с причудливыми цветами. Сама же она расположилась на стоявшей рядом оттоманке, которая, по всей вероятности, была из того же самого мебельного гарнитура.

– Как к вам можно обращаться? – спросила я.

– Олимпиада Константиновна, – сообщила женщина.

– Олимпиада Константиновна, как я уже сказала, я занимаюсь расследованием гибели вашей соседки Елизаветы Владиславовны. Расскажите, как вы ее нашли? – попросила я.

– Ох, это было так ужасно! – снова начала восклицать женщина. – Ведь такая молодая женщина, ей бы еще жить и жить! Все есть, и достаток, и семья, и ребенок. Девочка теперь полусиротой осталась. Ах, Кристиночка, бедный ангелочек!

– Олимпиада Константиновна, скажите, вы слышали шум в тамбуре? – спросила я, пытаясь повернуть беседу в нужное мне русло.

– Да нет, особого шума не было. Я просто уже была в холле. Собиралась выйти прогуляться, понимаете, я всегда стараюсь по утрам погулять. Да и в магазин сходить, за свежим хлебом... но тут... Ах, Татьяна Александровна, они так кричали!

– Кто кричал, Олимпиада Константиновна? – тут же спросила я.

– Вернее сказать, не «они», а она. Лиза в основном кричала, как всегда. Очередной утренний скандал. Я вот все время думаю, ну как так можно? Разве я могла бы так отвечать своему мужу, царство ему небесное? Так разговаривать с ним? Правда, мой муж был военным, полковником. Но все равно, это ничего не меняет. Так вот Лиза уже с самого утра, как сейчас выражается молодежь, начала выносить мозг Иллариону, своему мужу. Сначала отчитала его за то, что он что-то там разбил и не убрал за собой. Причем высказала ему свои претензии в очень грубой форме, да...

«Так, похоже, что Олимпиада Константиновна сейчас рассказывает мне события, которые происходили не в то утро, когда произошло убийство, а накануне, – подумала я. – Потому что, если верить рассказу Иллариона Александровского, то в то утро Илларион находился у своей девушки. Впрочем, в этом еще необходимо будет удостовериться».

– Только вы, Татьяна Александровна, не подумайте, пожалуйста, что я вот все утро стояла и подслушивала, – продолжала Олимпиада Константиновна. – Нет, ни в коем случае. Просто у нас очень сильная проницаемость стен, слышно, как чихают и кашляют, ну и разговоры частично. Так вот, Лиза все пилила и пилила Иллариона, он вроде бы отделялся короткими репликами, ну ведь он мужчина, не пристало ему скатываться до взаимных оскорблений. А потом вдруг взял и заявил, что мечтает о том, чтобы Лиза взяла и куда-нибудь исчезла. Представляете? Так и сказал: хоть бы тебя здесь не было! Ну, конечно, его можно понять, он в сердцах такое сказал после всего того, что Лиза ему наговорила. Но слышали бы вы, что потом началось! Настоящее светопреставление! Лиза обвинила его в том, что он хочет ее смерти. Так прямо и сказала: «Значит, ты желаешь моей смерти? Вот ты о чем, оказывается, думаешь?»

Лиза вообще невоздержанна в словах была, могла в пылу скандала и не такого наговорить! И тут Илларион ей говорит: «Я с тобой развожусь. Дальше просто не имеет смысла оставаться нам с тобой на одной территории».

– И что же было дальше, Олимпиада Константиновна? – спросила я.

– Лиза сначала молчала, видимо, не хотела поверить в то, что только что услышала, – продолжала соседка Александровских. – Кстати, она, в отличие от Иллариона, держалась со мной при встрече всегда с высокомерием, с какой-то отстраненностью. Вот Илларион совсем не такой, он всегда приветливо здоровался и справлялся о здоровье, ну, знал, что я одна живу и сердце иногда прихватывает. Ну, так вот. Сначала Лиза молчала, а потом как закричит: «Ты что? Совсем рехнулся, что такое говоришь? Ты ничего не решаешь! Как я скажу, так и будет! Никакого развода ты не получишь, даже и не мечтай!» Она так долго кричала, а потом замолчала, видимо, выдохлась. И тогда Илларион снова четко и громко повторил, что жить он с ней не будет, что он подаст на развод. Тогда Лиза начала шантажировать его их ребенком, дескать, она не разрешит ему видаться с дочкой, а также тем, что он лишится всего их общего имущества, ну и все в таком духе. Илларион пытался поговорить с Лизой по-хорошему. Он стал убеждать ее в том, что им нет смысла сохранять их брак, ведь они постоянно ругаются. А это плохо отражается на их дочке. Илларион даже предположил, что Лиза может снова выйти замуж и ей в новом браке будет лучше, чем с ним. Но Лиза продолжала кричать, что ни за что не согласится на развод, кричала, что он должен одуматься и заслужить ее прощение. Но Илларион был непреклонен, он молча хлопнул дверью и ушел. Вы знаете, Татьяна Александровна, я вот, честно сказать, не понимаю, почему она так цеплялась за их отношения и не соглашалась на развод, – женщина покачала головой. – Какой смысл? Она ведь не любила Иллариона, это было видно невооруженным взглядом.

Я задумалась: интересно, почему Илларион «ничего не решает»? А потом вспомнила о нашей с ним беседе. Судя по всему, Елизавета была довольно-таки избалованной и властной особой. Она была убеждена, что муж никуда не денется от нее и ребенка, не захочет лишиться роскошного жилья и поддержки со стороны тестя.

– И что же было потом, после его ухода? Вы, Олимпиада Константиновна, отправились на прогулку, как и планировали? – спросила я женщину.

– Ах, нет, Татьяна Александровна, я не смогла. Я человек очень чувствительный, меня неприятно взволновала вся эта сцена, свидетелем которой я оказалась, поневоле, конечно. Мне вдруг стало нехорошо, дурнота какая-то нашла, и я решила принять валидол. Ну, посидела немного, отдохнула, пришла в себя, как говорится. И решила все-таки выйти на свежий воздух. Сколько прошло времени, не знаю, может, минут пятнадцать, может, и больше. В общем, вышла я снова в холл, начала одеваться. Открываю свою дверь, и тут Лиза выходит из своей квартиры. Она, как всегда, только кивнула мне, а я поздоровалась с ней, как полагается, словами. Ну вот, она пошла, видимо, на работу, потому что торопилась, даже не стала ждать, когда освободится лифт. А я подождала лифт – мне торопиться некогда – и спустилась на нем вниз. Погуляла немного, подышала свежим воздухом, благо погода к этому располагала, и вернулась домой. А на следующий день я проснулась и не услышала привычной перебранки между Лизой и Илларионом. Я даже удивилась. Все так тихо и спокойно, даже непривычно. Я позавтракала и начала собираться на прогулку, как всегда. Уже вышла в холл. И вдруг слышу, как Лиза кому-то говорит, вернее, спрашивает: «Что такое? Что случилось? Зачем...» Она не договорила, а я услышала стук, как будто что-то упало, а потом быстрые шаги, как будто кто-то уходил. Я посмотрела в «глазок», но успела заметить только чью-то спину в черной куртке с капюшоном. На куртке сзади, в районе спины, но ближе к воротнику, еще надпись какая-то была. Кажется, «Лос-Анджелес», только по-английски. Я стояла в холле и думала, что же мне делать? Выходить на улицу или остаться дома? Какое-то предчувствие у меня было нехорошее.

– Но вы все-таки вышли? Да, Олимпиада Константиновна? – спросила я.

– Да, я вышла, – вздохнув, ответила женщина. – Вышла и сразу же зашла к себе в квартиру. Потому что... потому что, – тут голос женщины задрожал. – Потому что я увидела ее... Лизу. Она лежала на полу... Я сразу поняла, что она мертва. Я ведь медик по образованию. С такими ранами не живут. Нож аккуратно в сердце попал, она уже и не дышала, и крови всего ничего было. Я поняла, что помочь ей уже ничем невозможно. Необходимо было вызвать полицию, потому что вызывать «скорую» было уже бесполезно. Но я вдруг увидела недалеко от Лизы ключи. Я сразу поняла, что это не ее – у нее брелок весь стильный, в страZIках, и ключа всего три, включая домофонный. Мы двери одинаковые заказывали. Я ее осторожненько обошла и взяла ключи.

– Зачем? – удивилась я.

– Не знаю... машинально, наверное. Хотела рассмотреть поближе.

– Где они сейчас? – быстро спросила я.

– У меня, – вздохнула женщина.

– Скажите, Олимпиада Константиновна, полиция опрашивала вас?

– Да, конечно.

– А вы рассказали полицейским о своей находке? – спросила я.

– Нет, – тихо ответила женщина.

– А почему? Ведь это важно.

– Видите ли, Татьяна Александровна, я... испугалась, – призналась женщина.

– Испугались? Испугались чего?

– Ну как же, ведь на ключах остались бы отпечатки моих пальцев, меня могли заподозрить... Неужели вы не знаете, на что способны полицейские, особенно если произошло убийство? Они всех подозревают! И запросто могут любого сделать козлом отпущения, то есть обвинить.

Женщина махнула рукой.

– Ну, это вы зря так думаете про полицию, Олимпиада Константиновна, – возразила я.

– Ничего не зря! Я ведь читаю детективы и смотрю детективные сериалы! И знаю, что полиция может запросто обвинить ни в чем неповинного человека в преступлении! – с обидой заявила женщина.

– Не следует ориентироваться на детективы, Олимпиада Константиновна, – заметила я. – В них большая доля вымысла. Ошибки, конечно, встречаются, от них никто не застрахован. И, кстати, не только в полиции. Ладно. Вы ведь не выбросили ключи? И кстати, вы не подумали, что помимо ваших отпечатков пальцев на них можно найти пальчики убийцы? – спросила я.

Женщина поблeднела.

– Это что же... я, получается, помешала следствию?

– Получается, так, – согласилась я. – Давайте мне ключи. И чтобы не тащить вас сейчас в полицию, давайте вы возьмете... ну хоть стеклянную рюмку, хорошенько протрете ее салфеткой и поставите на стекло свои «пальчики». Тогда следователям будет с чем сравнить отпечатки и отделить ваши от чужих.

– Хорошо, – вздохнула Олимпиада Константиновна. – Извините, что так получилось... Если что, я и в полицию готова...

– Если будет нужно, вас вызовут, – кивнула я, аккуратно подхватила ключи носовым платком и положила в пластиковый пакетик. В другой пакетик улеглась простенькая стеклянная «стопка», которую женщина исправно подержала в пальцах. Ключики, кстати, интересные. Три стандартных, от дверных замков. И два маленьких – как от... ну, от сейфа или камеры хранения. Так! Значит, сейчас еду к Кире, напрягаю его экспертов. И будем искать владельца ключиков.

– Скажите, Олимпиада Константиновна, а кроме Иллариона, у Елизаветы были еще с кем-то неприязненные отношения? – спросила я. – Она еще с кем-то, кроме мужа, ругалась?

– Ну, приходил к ней пару раз ее двоюродный брат. Очень неприятный тип... Кажется, он наркоман или алкоголик. Впрочем, это почти одно и то же. Я это к тому, что больной человек, конченый. И наркомания, и алкоголизм не лечатся, и конец один.

– А как он выглядел? Опишите мне его внешность, – попросила я.

– Ну, роста он среднего, худощавый, лицо какое-то изможденное, все в морщинах, как у старика, хотя лет ему не так уж и много. Но сказался образ жизни, естественно. Да, вот еще что, у этого родственника – рыжие волосы. И они торчат во все стороны. Очень неприятный, отталкивающий тип.

– А мог ли тот человек, в куртке с капюшоном, быть двоюродным братом Елизаветы? – спросила я.

Олимпиада Константиновна задумалась.

– Затрудняюсь сказать. С одной стороны, да. Да, может быть. Возможно, он это и был. Но не буду утверждать, ведь лица-то я не видела.

– Олимпиада Константиновна, еще раз опишите, пожалуйста, что вы видели.

– Спину... в черной куртке... с надписью... в капюшоне... походка – обычная, рост – не представляю даже...

– Давайте попробуем так, – предложила я. – У вас что-нибудь с капюшоном есть?

– Да... конечно, ветровка. Вот, – растерянно протянула мне женщина лилово-розовую шуршащую куртку.

– Я выйду в подъезд и пойду от двери ваших соседей к лифту, а вы посмотрите в «глазок». И скажете, тот человек был выше меня, ниже... ну хоть что-то.

– Ой, так это ж целый следственный эксперимент! – внезапно обрадовалась женщина. – Ну прямо как в детективах! Я готова.

Я раза три профланировала туда-сюда, шурша курткой. После чего вернулась к соседке Лизы.

– Тот человек двигался быстрее, чем вы... нервничал, может быть. И был чуть пониже, буквально на ладошку, наверное, – отчеканила женщина. Ну уже что-то. Отлично.

– И такой вопрос. Во сколько вы вызвали полицию, помните?

– Нет, но могу в телефоне посмотреть, – с готовностью потянулась за стареньким мобильником женщина. Глянула: – Вот, позвонила в девять десять, минут пять объясняла, что случилось. И где-то через пятнадцать минут полицейские приехали.

– Спасибо, Олимпиада Константиновна, вы бесценный свидетель, – поблагодарила я, параллельно выстраивая свои дальнейшие действия. Уточнить, что там с камерами в подъезде – и быстренько к Кирьянову.

– А когда приходил двоюродный брат вашей соседки? – спросила я.

– Да не так давно. Но Лиза его выгнала. Сказала, что денег больше не даст и чтобы он больше не смел у них появляться. Тоже скандалили они довольно громко... Да, Татьяна Александровна, вот еще что я вспомнила в связи с Лизой. Как-то раз я выходила из своей квартиры и увидела Лизу и какого-то мужчину.

– Что это был за мужчина? Вы его раньше видели?

– Нет, это был первый и последний раз. Ну, возможно, он еще приходил, но я лично его больше не видела.

– Когда это было?

– Недели две назад, в будний день, утром. Я гулять собиралась, как обычно, – быстро проговорила женщина. – Я про него и следователям рассказывала, меня долго расспрашивали.

– Опишите его, – попросила я. – Как он выглядел?

– Ну, такой... атлетический, высокого роста. На лицо он довольно симпатичный, с легкой небритостью, как сейчас модно у молодых мужчин.

– Какие-то приметы у него вы заметили? – спросила я.

– Что именно? Что вы имеете в виду? – недоуменно посмотрела на меня пенсионерка.

– Ну, может быть, шрам на лице, или родинка, или еще что-то, – пояснила я.

– Шрам... Кажется, да. Был такой небольшой рубец через правую щеку. Точно! Я вспомнила, даже такое выражение есть: «Шрамы украшают мужчину». И, к слову сказать, этот мужчина был довольно симпатичный. В смысле, именно своей мужественностью, именно этим шрамом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.